

Посвящается моим родным

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев
в тюремных очередях в Ленинграде...

Как-то раз кто-то «опознал» меня. Стоящая передо мной
женщина с голубыми губами, Которая, конечно,
никогда в жизни не слыхала моего Имени, очнулась
от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня
на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому,
что некогда было ее лицом.

АННА АХМАТОВА, «РЕКВИЕМ», 1935—1940

Но ПАКТ — это не просто закон. Это наше обещание друг другу:
обещание отстаивать наши американские идеалы и ценности;
обещание неминуемых последствий для тех, чьи антиамериканские
идеи расшатывают страну.

ИЗ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ЮНЫХ ПАТРИОТОВ
«ЧТО ТАКОЕ ПАКТ»

I

Письмо приходит в пятницу, вскрытое и запечатанное самоклеякой, как все адресованные им письма: *Проверено в целях вашей безопасности — ПАКТ*. На почте не сразу разобрались, в чем дело: служащий развернул листок, просмотрел, передал контролеру, а тот — начальнику почтового отделения. Но в итоге его пропустили, сочтя безобидным. Обратного адреса нет, только нью-йоркский штемпель шестидневной давности. На конверте его имя, Чиж, — значит, письмо от матери.

Чижом его не называют уже давно.

Ему дали имя Ной, в честь дедушки со стороны отца — ему это когда-то рассказала мать, — а имя Чиж он себе придумал сам.

В слове этом ему всегда чудилось что-то очень близкое. Крылатое создание, кто-то маленький, шустрый. Непоседа-щебетун, всегда готовый оторваться от земли.

В школе на это смотрели косо, мол, Чиж — не имя, тебя зовут Ной. Воспитательница в детском саду возмущалась: зову его, а он будто не слышит, только на Чижа и откликается.

Потому что его так зовут, отвечала мать. Откликается на Чижа, вот и зовите его Чижом, и плевать на свидетельство о рождении. По каждой записке из школы она проходила с маркером — «Ноя» вычеркивала и писала «Чиж».

Такая была мать — самая ярая его защитница, всегда на его стороне.

В конце концов все смирились, но имя учительница с тех пор писала в кавычках, как бандитское прозвище: *Дорогой «Чиж», пусть мама подпишет согласие. Уважаемые мистер и миссис Гарднер, ваш «Чиж» — воспитанный и прилежный ребенок, но иногда витает в облаках. И только в девять лет, когда мать ушла, он стал зваться Ноем.*

Отец говорит, это к лучшему, и никому больше не позволяет его называть Чижом.

Если кто-то тебя так назовет, сразу поправь. Скажи: простите, вы ошиблись.

Не только это переменилось после ухода матери. Другая квартира, другая школа, другая работа у отца. Совсем другая жизнь, как будто отец решил полностью их преобразить, чтобы мать, если вернется, никогда их не нашла.

В прошлом году он как-то раз встретил по дороге домой свою бывшую воспитательницу. Ну, здравствуй, Ной, сказала она, как дела? — то ли свысока, то ли с жалостью.

Ему уже двенадцать; три года, как он стал Ноем, но имя Ной до сих пор для него точно карнавальная маска, неудобная, неприятная, и как носить ее, не знаешь.

И вот, словно с неба, письмо от матери. Почерк вроде бы ее — и Чижом его называет она одна. *Чиж*. После стольких лет он иногда забывает ее голос, пытается вызвать его в памяти, но голос ускользает тенью.

Дрожащими руками он открывает конверт. За три года ни слуху ни духу, зато теперь он наконец все поймет — почему она ушла, где пропадала.

А в письме ни слова, только рисунки. Весь лист, от края до края, изрисован кошками, каждая с мелкую монетку. Взрослые кошки и котята, полосатые и черепаховые, одни просто сидят, другие умываются, третьи нежатся на солнце. Совсем простенькие — таких ему рисовала когда-то мама на пакетах с завтраками, таких он рисует иногда в школьных тетрадках. Незатейливые, но выразительные. Живые. И больше ничего — ни строчки, ни слова, только кошки, кошки, кошки, шариковой ручкой. Рисунки будят смутное воспоминание, но за него никак не ухватиться.

Он переворачивает листок, ища хоть какую-то зацепку, но на обратной стороне пусто.

Ты что-нибудь помнишь про свою мать? — спросила его однажды Сэди. Они были на игровой площадке перед школой, наверху лесенки, а возле их ног уходила вниз горка-труба. Пятый класс, последний год, когда на большой перемене выпускают на площадку.

Всё здесь малышное, всё они уже переросли. Внизу, по ту сторону асфальта, гонялись друг за дружкой одноклассники: кто не спрятался, я не виноват!

На самом деле он много чего помнил, только ни с кем не хотел делиться, даже с Сэди. Сблизило их то, что оба остались без матери, но истории были у них разные. Одно дело мама Сэди, другое — его мама.

Почти ничего, ответил он, — а ты про свою?

Сэди схватилась за поручни горки, будто собиралась подтянуться.

Помню только, что моя мама герой, сказала она.

Чиж не ответил. Всем было известно, что отца и мать Сэди лишили родительских прав, так она попала в приемную семью и в эту школу. Каких только слухов про них не ходило — мол, мама у Сэди чернокожая, а отец белый, но оба китайские прихвостни, предатели Америки. Про Сэди тоже болтали всякое — дескать, когда за ней пришли полицейские, она одного укусила, завизжала и кинулась к родителям, пришлось ее уводить в наручниках. И это у нее уже не первая приемная семья, все от нее отказывались, никто с ней сладить не мог. И даже после того, как ее забрали, родители ее продолжают бороться против ПАКТа, будто им все равно, вернут им дочь или нет; кажется, их арестовали, держат где-то в тюрьме. Наверняка и о нем, о Чиже, ходят слухи, но знать он о них не хочет.

Вот подрасту, продолжала Сэди, поеду домой, в Балтимор, и найду маму с папой.

Она была на год старше Чижа, хоть и училась с ним в одном классе, и никогда не давала ему забыть,

что она взрослее. Второгодница, шептались родители, когда приходили за детьми в школу, а всему виной воспитание, и даже новая жизнь ее уже не исправит.

Как ты их найдешь? — спросил Чиж.

Сэди промолчала и, выпустив поручень, плюхнулась возле ног Чижа маленьким дерзким комочком. А через год, как раз перед каникулами, Сэди пропала — и вот, в седьмом классе, Чиж снова один.

Начало шестого, скоро придет папа и, если увидит письмо, заставит сжечь. Они не хранят дома ничего из маминых вещей, даже одежды. После маминого ухода папа сжег в камине ее книги, разбил брошенный мобильник, а остальное сложил грудой перед домом. Не вспоминай о ней больше, сказал он тогда. К утру от вещей и следа не осталось — все растащили бездомные. А через несколько недель Чиж с папой переехали в квартиру при университете и ничего не взяли из старого дома, даже кровать оставили, потому что на ней спала мама. Теперь они спят на другой, двухэтажной, — папа внизу, Чиж наверху.

Лучше сжечь письмо самому. Все, что связано с мамой, хранить опасно. Мало того, когда он видит на конверте свое имя, свое прежнее имя, внутри словно приоткрывается дверца и оттуда сквозит. Порой он приглядывается к спящим на тротуаре бездомным, нет ли на ком из них маминых вещей. И, заметив что-то знакомое — шарф в горошек, блузку с красными цветами, фетровую шляпку, надвинутую на глаза, — в первый миг он думает: она. Нет, на самом деле даже

проще, если она ушла навсегда, если она никогда не вернется.

Слышно, как с трудом ворочается в тугом замке папин ключ.

Чиж пулей летит в спальню и прячет письмо в наволочку.

Воспоминаний о маме у него не так уж много, но одно он помнит точно: у нее всегда был план. Она не стала бы просто так рисковать — искать их новый адрес, писать ему. Мамино письмо что-то да значит, в этом он уверяет себя снова и снова.

Она нас бросила — вот и все, что папа говорил.

И продолжал, опустившись на колени, чтобы взглянуть Чижу в глаза: это к лучшему. Забудь о ней. Я тебя никогда не брошу, и это главное.

Чиж тогда еще не знал, что она натворила. Лишь одно засело в памяти: в последние недели ему каждую ночь мешали уснуть приглушенные голоса родителей на кухне. Обычно их вечерние беседы убаюкивали, служили знаком, что все хорошо. А в те дни, напротив, их разговоры напоминали схватку: то папин голос, то мамин, напряженный, сквозь стиснутые зубы.

Даже тогда он понимал, что вопросов лучше не задавать, — просто кивал и грелся в папиных объятиях, теплых и надежных.

Лишь спустя время на школьной площадке ему бросили в лицо правду, точно камнем запустили; твоя мать предательница, сказал Ди-Джей Пирс и плюнул ему под ноги.

Всем было известно, что мама его — ЛАП, лицо азиатского происхождения. «Лапки куриные», дразнились ребята. Это не новость, по лицу Чижа все и так ясно — по несходству с отцом, по выступающим скулам, по разрезу глаз. Если ты ЛАП, постоянно напоминали власти, это само по себе не преступление. ПАКТ не имеет отношения к расе, он касается патриотизма и мировоззрения.

Но из-за твоей матери начались беспорядки, сказал Ди-Джей, мне родители говорили. Она антинародный элемент, и за ней охотились, вот она и сбежала.

Папа его предупреждал: всякое будут болтать, ну а ты не обращай внимания, твоя задача сейчас — учиться. Отвечай: у нас с ней ничего общего. Говори: мы ее вычеркнули из жизни.

Он и говорил.

У нас с ней ничего общего, ни у папы, ни у меня. Мы ее вычеркнули из жизни.

Сердце готово было разорваться. На асфальте блестел и пенился плевков Ди-Джея.

Когда возвращается папа, Чиж сидит за учебниками. В обычный день он бы вскочил, прижался к папиному боку, обнял. Сегодня, весь в мыслях о письме, он прячет взгляд, еще ниже склонившись над книгой.

Опять лифт сломался, говорит папа.

Живут они в одном из общежитий, на самом верху, на десятом этаже. Здание из тех, что поновее, но университет такой древний, что даже новые корпуса на самом деле не такие уж новые.

Мы старше американского государства, повторяет папа. Он говорит «мы», хоть сам в университете давно уже не преподает. Теперь он работает в университетской библиотеке — ведет каталоги, расставляет книги по полкам, — а квартира у них служебная. Спору нет, выгодно, ведь платят папе мало и нужно экономить, но для Чижа служебная квартира — довольно сомнительный плюс. Раньше у них был целый дом с садом, а теперь двухкомнатная конура: спальня на двоих и гостиная, где один угол отведен под кухоньку. Плитка с двумя конфорками; мини-холодильник, такой крохотный, что даже упаковка молока в нем не помещается стоймя. Соседи снизу — студенты — постоянно меняются, едва их запомнишь в лицо, а они уже съехали. Летом здесь духота, кондиционера нет; зимой батареи жарят на всю катушку. А когда капризный лифт отказывается работать, приходится бегать туда-сюда по лестнице.

Ну что ж, — папа ослабляет узел галстука, — скажу коменданту.

Чиж уткнулся в тетрадку, но чувствует, что папа на него смотрит, ждет, когда он поднимет глаза. Чиж не решается.

Сегодняшнее задание по английскому: *Дайте краткий ответ на вопрос: как расшифровывается «ПАКТ» и в чем его значение для национальной безопасности? Приведите три примера.* Чиж точно знает, какого ответа от него ждут, в школе им каждый год объясняют. Закон о Поддержке Американской Культуры и Традиций, так расшифровывается ПАКТ. В детском саду его называли клятвой: *Клянемся защищать американские ценности.*

Клянемся оберегать друг друга. Каждый год они учат одно и то же, только формулировки все усложняются. Учителя на этих уроках многозначительно поглядывают на Чиж, следом оборачиваются и ребята.

Отложив сочинение, Чиж берется за математику. Допустим, что ВВП Китая составляет 15 триллионов долларов и растет на 6% в год. Если ВВП Америки равен 24 триллионам долларов, но рост составляет всего 2% в год, через сколько лет Китай обгонит Америку? С числами проще — всегда понятно, где правильно, а где ошибка.

Все хорошо, Ной? — спрашивает папа, и Чиж, кивнув, указывает на тетрадь: да, хорошо, просто задали много, и папа, вполне довольный ответом, уходит в спальню переодеваться.

Чиж сносит единицу, аккуратно обводит ответ. Нет смысла рассказывать папе, как прошел день, все дни у него одинаковые. Дорога в школу, всегда тем же маршрутом, линейка, гимн, переходы из класса в класс с опущенной головой, страх поднять руку. В удачные дни его не замечают, в обычные либо дразнят, либо жалеют. Неизвестно еще, что хуже, но и в том и в другом он винит маму.

Папу тоже нет смысла расспрашивать о новостях. Насколько знает Чиж, у папы что ни день, то одно и то же: знай себе ходи с тележкой по рядам, расставляй книги, а в хранилище поджидает новая тележка. Сизифов труд, говорил папа, когда только начинал. Раньше он преподавал лингвистику; он свободно говорит на шести языках, читает еще на восьми. Это он рассказал Чижу миф о Сизифе, обреченном вечно катить в гору камень. Папа любит мифы, непонятные

латинские корни, длинные слова, которые нужно заучивать, как скороговорки. Когда папа рассказывает, он то и дело отвлекается: перескакивает с темы на тему, растолковывает сложные термины, объясняет происхождение слов и их родство — словом, глубоко копает. Раньше Чижу это нравилось — давным-давно, когда он был маленький, а папа преподавал в университете, и мама жила с ними, и все было по-другому. Когда он верил, что истории хоть что-то объясняют.

Теперь папа уже не рассказывает подолгу о словах. Из библиотеки он возвращается усталый, к вечеру у него болят глаза; он приходит окутанный тишиной, будто впитал ее с книжных полок, из прохладной духоты, из мрака, который не в силах рассеять тусклые лампочки в проходах. О маме Чиж не спрашивает, да и сам папа избегает о ней говорить, по одной простой причине: лучше не жалеть о том, чего уже не вернешь.

И все-таки она возвращается — внезапными проблесками, обрывками полузабытых снов.

Ее смех, хриплый, будто фырчит тюлень, — смеялась она раскатисто, запрокинув голову. Неженственно, говорила она с гордостью. Или ее привычка в задумчивости барабанить пальцами, словно мысли ей не дают покоя. И еще воспоминание: глубокая ночь, Чиж сильно простужен. Просыпается в поту, сам не свой от страха, задыхаясь от кашля и слез, грудь будто залита расплавленным свинцом. Он, кажется, умирает. Мама, завесив полотенцем ночник, сворачивается клубочком рядом, прильнув к его лбу прохладной

щекой, и он засыпает в ее объятиях, и всю ночь мама его обнимает. А когда он просыпается, мама по-прежнему рядом, и страх, что встрепенулся было в нем, топорща перья, снова прячется.

Чиж с папой сидят за столом — Чиж барабанит карандашом по листку, папа уткнулся в газету. Все вокруг узнают новости из интернета — услышав сигнал, достают из карманов телефоны, прокручивают ленту. Раньше и папа так делал, но после переезда отказался и от телефона, и от ноутбука. Старомодный я человек, и все тут, отвечал он на расспросы Чижа. Теперь он читает газету, от корки до корки. До последнего слова, говорит он, каждый день. В его устах это почти похвальба. Чиж решает задачи, стараясь не оборачиваться в сторону спальни, где лежит письмо. Чтобы отвлечься, он пробегает взглядом заголовки на первой странице газеты, заслонившей от него папу. «ЗОРКИЕ ДРУЖИННИКИ ПРЕДОТВРАТИЛИ БЕСПОРЯДКИ В ВАШИНГТОНЕ».

Чиж считает.

Если корейская машина стоит 15 000 долларов, но служит она всего три года, а американская стоит 20 000 долларов, но служит десять лет, то сколько денег можно сэкономить за 50 лет, если покупать только американские машины? Если опасный вирус распространяется среди десяти миллионов человек и каждый день поражает вдвое больше людей...

Папа, сидя напротив, сворачивает газету.

Осталось только сочинение. Чиж с трудом выдавливает из себя слово за словом, выходит косноязычно.

ПАКТ — это очень важный закон, который положил конец Кризису и поддерживает безопасность в нашей стране, потому что...

Папа, свернув газету, смотрит на часы, и Чиж облегченно вздыхает — наконец можно отложить сочинение и карандаш.

Почти полседьмого, говорит папа. Идем ужинать.

Ужинают они в столовой через дорогу. Еще одно якобы преимущество папиной работы: не нужно готовить, для отца-одиночки в самый раз. Если вдруг они опаздывают на ужин, папа что-то стряпает на скорую руку — скажем, варит макароны из синей коробки, что стоит в буфете; скудный ужин, совсем не утоляет голод. Когда мама еще жила с ними, ели они все втроем за кухонным столом, под разговоры и смех, а потом мама, тихонько напевая, мыла посуду, а папа вытирал.

Они выбирают самый уединенный столик, в дальнем углу обеденного зала. Вокруг сидят по двое-трое студенты, со всех сторон струится их шепот. Чиж не знает их по именам и лишь немногих знает в лицо: он не привык смотреть людям в глаза. Просто иди мимо, всегда говорит папа, если на них смотрят прохожие, ощупывая взглядами, щекочущими, словно сороконожки. Чиж рад, что не нужно улыбаться и кивать студентам, поддерживать разговор. Студенты тоже не знают, как его зовут, да и все равно к концу года они разъедутся.

Под конец ужина с улицы доносится шум. Крики, грохот, визг тормозов. Сирены.

Никуда не уходи, велит папа, а сам подбегает к окну, где уже толпятся студенты, выглядывая на улицу. На столах остывают забытые тарелки, по стенам и потолку мечутся сине-белые лучи. Чиж не трогается с места. Скоро все кончится. Ни во что не ввязывайся, учит его папа, это значит — не привлекай к себе внимания. Если видишь, что где-то что-то неладно, сказал папа однажды, разворачивайся и беги. Такой он, папа, — идет по жизни с опущенной головой.

Но шепот в столовой нарастает. Все громче сирены, все ярче огни, по потолку пляшут жутковатые широкие тени. За окном недовольные голоса, толкотня, топот. Ничего подобного Чиж никогда не видел, так и тянет подбежать к окну, выглянуть, узнать, в чем дело. И в то же время хочется юркнуть под стол, спрятаться, как загнанный зверек, — Чиж и не знал, что он такой пугливый. С улицы хрипит репродуктор: «Полиция Кембриджа. Всех просим не покидать помещений. Не подходите к окнам до особого распоряжения».

Студенты возвращаются на места, а Пегги, заведующая столовой, обходит зал и наглухо задергивает все шторы. В воздухе звенит шепот. Чиж представляет на улице разъяренную толпу, баррикады из мебели и обломков, коктейли Молотова, пламя. Перед ним оживают фотографии Кризиса из школьных учебников. Колено дрожит, постукивает о ножку стола, а когда возвращается папа, дрожь опускается в самую глубь, в сердце.

Что случилось? — спрашивает Чиж.

Папа качает головой: кажется, провокация. И, взглянув в огромные от испуга глаза сына, добавляет: не волнуйся, Ной. Полиция уже здесь, они во всем разберутся.

В годы Кризиса беспорядки были обычным делом, об этом им твердили в школе, сколько он помнит. Армии безработных, закрытые заводы, дефицит; банды грабили магазины, буянили на улицах, поджигали целые кварталы. Страну парализовало.

Невозможно было жить нормальной жизнью, объяснял им учитель обществознания, переключая слайды на интерактивной доске, — улицы в руинах, выбитые окна. Танк посреди Уолл-стрит. Рыжий столб огня и дыма под аркой в Сент-Луисе.

Понимаете, дорогие мои, как вам повезло? — в наше время благодаря ПАКТу вооруженные протесты остались в прошлом.

И в самом деле, беспорядков Чиж почти не застал. ПАКТ был принят десять с лишним лет назад подавляющим большинством голосов в обеих палатах Конгресса и подписан президентом в рекордный срок. По данным многочисленных опросов, большинство населения до сих пор поддерживает ПАКТ.

Однако в последние месяцы страну захлестнуло нечто непонятное — не забастовки, шествия и волнения, о которых рассказывали им в школе, а что-то новое. Странные, с виду бессмысленные выходки, слишком диковинные, чтобы о них умолчать; все устроены неизвестными, все направлены против ПАКТа. В Мемфисе злоумышленники в балаклавах пригнали к бе-

регу мусоровоз, высыпали в реку полный кузов шариков для пинг-понга и скрылись. На каждом шарике алело крохотное сердечко, а под ним надпись: «Долой ПАКТ!» Не далее как на прошлой неделе два дрона развернули над Бруклинским мостом транспарант. «К черту ПАКТ», — гласил он. Не прошло и получаса, как полиция перекрыла мост, подогнала к опорам автокран и сняла транспарант, но Чиж видел фото с телефонов, успевшие разойтись по Сети, их опубликовали на всех новостных сайтах и даже в некоторых газетах. Большая растяжка с толстыми черными буквами, а внизу, кровавым пятном, сердечко.

В Нью-Йорке, пока был перекрыт мост, движение остановилось на несколько часов, люди выкладывали видео с длинными рядами машин, цепочкой огней, уходящей в ночное небо. Домой мы попали к полуночи, рассказывал журналистам один из водителей. Под глазами у него темнели круги, точно копоть. Нас, можно сказать, в заложниках держали, говорил он, и никто не понимал, в чем дело, — думали, теракт. В новостях приводили цифры: сколько потрачено впустую бензина, выделено углекислого газа, какие убытки понесла из-за простоя экономика. По слухам, в Миссисипи до сих пор находят пинг-понговые шарики; в Мемфисе полиция опубликовала фото утки, которая задохнулась, проглотив шарик, — с раздутым, словно от опухоли, зобом.

Форменное безобразие, кипятился учитель обществознания. Если кто из вас услышит, что готовятся подобные акции, ваш гражданский долг согласно ПАКТу — сообщить властям.

Литературно-художественное издание

СЕЛЕСТА ИНГ
*Пропавшие
наши сердца*

Роман

Перевод МАРИНА ИЗВЕКОВА

Редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Художник ЕЛЕНА СЕРГЕЕВА

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 17.04.23 г. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 18,48. Заказ № 2302010.
Тираж 6000 экз. Гарнитура «Свифт».

Издательство «Фантом Пресс»:

Лицензия на издательскую деятельность код 221

серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700

Тел.: (495) 787-34-63

Электронная почта: phantom@phantom-press.ru

Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41

ISBN 978-5-86471-931-2

9 785864 719312 >